

фантастическая
история

МОСКВА, 2017

фантастическая
история

Александр Койфман
Русский израильтянин на
службе монархов XIII века

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К55

Серия основана в 2010 году
Выпуск 119

Койфман А. А.

К55 Русский израильянин на службе монархов XIII века:
Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-
КНИГА», 2017. — 378 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-2418-4

Русский парень из Твери уезжает в Израиль, а через несколько лет в результате странных событий попадает из 2014 года в 1214-й, в Палестину. Ему предстоит тяжелый путь от положения раба до командира войск эмира Дамаска и дальше до рыцаря Священной Римской империи, приближенного императора Фридриха II.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2418-4

© Койфман А. А., 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ПРОЛОГ

Этот текст передал мне на флешке один исследователь истории католической церкви. Мы были знакомы еще в Москве. По некоторым причинам он хотел сохранить инкогнито. Я его, безусловно, понимаю и не укажу его фамилию. В основном его интересуют взаимоотношения папского престола и мусульманского мира. К нему с доверием относятся в папской курии, то есть разрешают работать в архивах Ватикана. Когда я прочитал несколько первых страниц — рассмеялся и удивился, почему серьезный исследователь показывает мне такую чепуху. Сразу же закрыл файл и забыл о нем. Когда он позвонил мне через две недели, сказал ему, что фантастикой не интересуюсь. Но историк с непонятной для меня горячностью стал говорить, что это не фантастика и не мистификация. Пообещал показать некоторые материалы при встрече. Я удивился, но вынужден был прочитать весь текст, чтобы при встрече не выглядеть глупо.

К моему изумлению — а я неплохо знаком с этим периодом, по крайней мере, в части, относящейся к Леванту, — я не обнаружил в тексте серьезных ошибок. Нормальный фантаст делает грубые ляпы чуть ли не на каждой странице, подгоняя «исторические события» под свою схему. Некоторые детали меня смущали, так как противоречили мнениям именитых специалистов, но таких деталей было слишком мало. Что это, забава профессионального историка? Я стал ждать встречи.

Еще через две недели мой знакомый приехал в очередной раз из Рима. Встретились у меня дома. После обмена общими фразами он вынул из портфеля еще одну флешку и стал показывать мне на экране латинскую рукопись. Я не знаю латинский язык, не приходилось работать с такими текстами. Но он вызвал на экран перевод на английский язык. Оказалось, это докладная записка начальнику архива, где некто скупно отмечал, что в секретной части архива, в ящике с номером таким-то,

он обнаружил рукопись, которая, безусловно, должна быть признана враждебной Святому учению. Неизвестный автор предположительно в XIII или XIV веках написал невероятные вещи. Он утверждает, что прибыл из очень далекого будущего в Египет XIII века. Он описывает Пятый и Шестой крестовые походы христианского воинства с неподобающим пиететом к мусульманским безбожникам. Кроме того, он описывает борьбу святейших пап с нечестивым императором Фридрихом II, оправдывая его действия и ставя под сомнение правомерность деяний Святого престола.

Но, главное, в авторе совершенно не чувствуется приверженность Святому учению. Текст написан с использованием шифра, на каком-то славянском языке. Подателю сей записки с трудом удалось расшифровать лишь незначительную часть текста.

В связи с вышесказанным податель записки настоятельно советует перенести этот скандальный материал в отдел крамольных рукописей, не подлежащих прочтению никогда. Еще лучше было бы уничтожить рукопись.

Записка датирована 12 июля 1713 года от Рождества Христова.

На оригинале докладной записки сохранилась резолюция:

«Передать в отдел крамольных рукописей, не подлежащих прочтению». Неразборчивая подпись и та же дата.

Я пожал плечами:

— Ну и что это доказывает? Какая связь с вашим текстом?

Собственно, я давно уже подозревал, что именно он автор этого текста. Для этого у него было более чем достаточно знаний.

Но он вызвал на экран фотографии рукописи. Она выглядела не очень хорошо, бумага разная, частично написано на пергаменте, углы и края истрепаны, некоторые страницы даже имеют изъяны. Но в целом рукопись читается. Меня поразило, что она была написана достаточно четким почерком и современным русским языком. Любой нормальный мистификатор представил бы текст на латинском языке. Или на арабском. Современный русский язык на потрепанной рукописи выглядел совсем несуразно. И это вводило в смущение. Но на первой странице рукописи четко видна та же резолюция, что и на записке. Я с изумлением смотрел на своего собеседника:

— Как вам удалось сфотографировать рукопись?

— Очень просто. Сейчас в руководстве курии есть вполне современные прелаты. Я получил разрешение ознакомиться с

отделом крамольных рукописей. Смееу сказать, что там очень много интересных вещей, но это — самое невероятное.

Действительно невероятное. Совсем недавно проходила операция «Несокрушимая скала», упоминаемая чуть ли не на первой странице рукописи. Если кто-то видел рукопись в XVIII веке, то это совершенно невообразимо. Я проверил в Интернете информацию о пропавших без вести во время операции «Несокрушимая скала». Действительно, Израиль через посредников запрашивал несколько раз о судьбе Романа Клопова, но «Хамас» каждый раз утверждал, что не имеет о таком солдате сведений.

Мой знакомый тем временем потерял всякий интерес к упомянутому тексту и увлекся очередной находкой, разрешив мне поступить с текстом рукописи по своему усмотрению.

После тщательного изучения рукописи я обнаружил, что состояние ее части, относящейся к событиям после 1227 и до 1246 года, значительно хуже, текст местами читается совсем плохо. Дело в том, что события 1228 года и всех последующих лет записаны совсем на другой, временами очень плохой бумаге, произведенной, вероятно, в Средней Азии. Имелось даже с десяток листов пергамента из кожи, с которого прежний текст был плохо счищен. Я решил опубликовать только первую часть рукописи, оканчивающуюся прибытием участников Шестого крестового похода в Акру, оставив публикацию второй части на будущее.

Понимаю, что буду подвергнут насмешкам и убийственным отзывам, но это не останавливает меня. Пришлось только исправить явные грамматические ошибки и поработать над примечаниями, которые получились весьма объемными. О некоторых упомянутых в тексте лицах я не нашел в литературе сведений, поэтому они оставлены без примечаний.

Часть I ЛЕВАНТ

Глава 1 РАБ

1214 год

В голове шум, перед глазами какие-то круги, во всем теле тяжесть. Пытаюсь открыть глаза — это очень трудно, долго ничего не получается. Кажется, левый глаз приоткрылся, но по-прежнему ничего не вижу, перед глазами только эти фиолетовые круги и мрак. Пытаюсь подтянуть левую ногу, чтобы приподняться, но она меня не слушается. И снова погружаюсь ни во что. В клубящееся пустое пространство. Силюсь преодолеть его. Наконец это удается. Приоткрываю глаза. Где я? Это снова мерцающее сознание? Или действительно вокруг меня только песок? Ноги, руки не хотят слушаться, снова и снова посылаю им сигналы: вставать. С трудом приподнимаю голову. Нет, это не мерещится, кругом песок. И мрак реальный. Почти мрак, то есть это предутренний мрак. Когда ночная тьма, кажется, сгущается перед первым проблеском света. В горле сухо — пить. Но это только мечта. Снова кладу голову на песок. Да, голову, на голове нет моего шлема. Я четко знаю, что на голове должен быть шлем. Где он? И где я?

Еще несколько минут, еще полежать. Надо вставать. Сейчас открою глаза и увижу, что я в палатке. Нет, рядом с палаткой. Просто устал и свалился спать рядом с палаткой. И снял перед этим шлем. Ведь все остальное на мне. Снова приподнимаю голову. Нет, палатки рядом нет. Вокруг только песок. И вспоминаю то, что минуту назад мой мозг отказывался вспоминать: я стою, высунувшись из моего бронетранспортера, смотрю вперед, смотрю в прибор ночного видения. Транспортёр продвигается вперед, и вдруг удар. Еще ничего не осознаю, но лечу куда-то. И все. Дальше клубящееся пространство и мрак.

В голове еще шум, но уже могу открыть глаза и приподняться. Тьма понемногу расплылась, светает. Практически все вижу, но смотреть не на что. Поблизости нет ни моего брониро-

ванного медико-санитарного транспортера на базе «Ахзарита»^{1*}, ни его обломков. И нет следов гусениц. Ничего нет, один песок. Этого не может быть. Меня не могло отбросить так далеко. Если эвакуировали бронетранспортер, то почему меня не подобрали. И где все-таки следы гусениц? Ветра нет, их не могло засыпать так быстро. Собрался с силами и сел. Хорошо, в теле слабость, но руки и ноги меня слушаются. Я живой и, по-моему, даже не ранен. Ссадины на щеках и лбу не в счет, это ерунда. Встаю, и солнце просыпается, почти. Понятно, где запад, а где восток. Вокруг, кроме песка, ничего нет, значит, мне идти на восток, в Израиль. Там, где-то рядом, кибуцы и мошавы^{**}. Делаю несколько шагов, ноги слушаются, я был просто оглушен. Хочется пить, но фляги с водой нет. Ничего, пару километров пройду без воды. А если потребуется, то и больше.

Иду уже полчаса, солнце встало, безжалостное августовское солнце печет, хочется пить, но вокруг ни деревца. Где же эти тенистые кибуцы? Я же помню, мы много раз проезжали через них. Они через каждый километр. Идти все тяжелее, сейчас лягу и немного отдохну.

Прихожу в себя от сильных толчков в бок. Это даже не толчки, это удары. Открываю глаза, передо мной толстый бедуин. Бесцеремонно тычет палкой в мой бок. Что-то говорит. Говорит по-арабски, я не понимаю. Говорю ему, что не понимаю. Но он с удивлением прислушивается к моим словам и снова говорит что-то по-арабски. И говорит странно. Я не знаю арабского языка, но в больнице приходится слышать разговоры арабов и даже перекидываться с ними отдельными словами: в нашей больнице Западной Галилеи половина пациентов и многие из персонала арабы. Совсем другие интонации. Толстый бедуин злится, бьет меня своей палкой. Он что, с ума сошел? Сейчас встану и задам ему по первое число. С трудом поднимаюсь, голова кружится, но я сжимаю кулаки и надвигаюсь на него. Он отскакивает в сторону, из-за него выскакивает молодой бедуин и тычет мне в бок копьё, настоящее копьё. Больно, они что, с ума все походили? Оглядываюсь — сзади меня тоже стоит молодой человек с копьём. Хватаюсь за пистолет, благо он у меня сохранился, но сильный удар по голове сбивает меня с ног. Снова теряю сознание.

* См. примечания в конце текста.

** М о ш а в — сельскохозяйственная община, действующая на кооперативных началах в снабженческо-сбытовой сфере.

Когда пришел в себя, обнаружил, что связан, одет в какой-то драный, вонючий халат и лежу животом на вьюке поперек спины верблюда. Медленно качаюсь вместе со спиной верблюда. Все тело болит, кажется, я ранен, по крайней мере, бок, куда мне ткнули копьем, мокрый от крови. Так я еще истеку кровью. Кричу, кричу несколько раз. Верблюд останавливается. Ко мне подходит какой-то старик в чалме и смотрит на меня. Глазами показываю на кровоточащий бок и кричу, что истекаю кровью. Удивительно, он, кажется, понимает меня. Старик говорит на иврите, на каком-то ужасном иврите, что ничего страшного, что он смазал мой бок мазью. Еще удивительней, что я не разбираю его слов, они очень странные, но понимаю, что он говорит. Он опять говорит:

— Придем на место, я еще раз посмотрю.

И снова качаюсь на верблюде. Пытаюсь все вспомнить по порядку. Вчера было первое августа две тысячи четырнадцатого года. Я в Газе, наш санитарный бронетранспортер временно придан танковому батальону, который уже вторую неделю воюет в Газе. Нас вызвали забрать раненого снайпером солдата. Вероятно, из какого-то туннеля выскочил палестинец и саданул в нас противотанковой ракетой. Все просто и понятно. Но откуда здесь, в полосе боев, бедуины? Кто их пропустил? Почему нет ни наших солдат, ни палестинцев? Ничего не могу понять. Очень хочется пить.

Очнулся или проснулся? Кругом шум, крики. Мы идем в каком-то городе или деревне? Поворачиваю голову и осматриваюсь. Господи, какое убожество. Глухие, без окон дома, впрочем, это не дома, а какие-то каменные и глиняные лачуги. Навстречу нашему каравану по узкой улочке пробирается тележка, запряженная осликом. Теперь я вижу, что мой верблюд практически в хвосте каравана. Сзади видны стены, высокие стены. Зачем деревне такие высокие стены? Наконец мой верблюд останавливается. Меня частично развязывают и стаскивают с верблюда, вернее, с тюков. Ноги отказываются идти, но громкий окрик и удар палкой заставляют меня передвигаться со связанными ногами в сторону каменного сарая. Там мне развязывают руки, но оставляют связанными ноги.

В сарае у стен на полу солома. Присаживаюсь на нее и прислоняюсь к стене. Вытягиваю вперед ноги. Все-таки лучше, чем лежать на верблюде. В сарае нас с десяток. Да, пять негров, три непонятных мужика восточного типа и один явно европеец. Лицо грязное, заросшее волосами неопределенного цвета. Но

на голове они рыжие. Наверное, поэтому я сразу решил, что это европеец. Он сидел у стены напротив меня, и я его спросил:

— Говоришь по-английски?

Он недоуменно посмотрел на меня и ответил на ломаном английском:

— Да, я гел, немного говорю по-английски. Меня зовут Гордон.

Он увидел, что я не понимаю, и добавил:

— У нас, в нашем клане не говорят по-английски, но я почти два года был в армии Ричарда². И вот уже больше двадцати лет мучаюсь в этой Богом проклятой стране.

— Обожди, какого Ричарда?

— Как какого? Благородного Ричарда Львиное Сердце. Мой хозяин Фергюс³, четвертый граф Бухана из Мормеров Бухана⁴, передал нас, пятнадцать мальчишек из Бухана, Ричарду, когда он собирал армию для похода в Святую землю. И вот теперь я остался один из пятнадцати. Все умерли здесь. Ричард не взял нас с собой, когда собрался возвращаться в Европу. Просто передал своему племяннику Генриху⁵, графу Шампанскому. Мы сопровождали его, когда он поехал в тысяча сто девяносто втором году в Тир⁶ сообщить Конраду Монферратскому⁷ о его избрании королем Иерусалимским. И вместо этого попали на похороны. А через восемь дней Генрих женился на беременной вдове Конрада и получил корону. А потом я воевал несколько лет в его войске, до самой его смерти. Хорошее было время, особенно после смерти Саладина⁸ в тысяча сто девяносто третьем году. Потом стало хуже. В тысяча сто девяносто седьмом году умер король Генрих, и на его вдове женился Амори⁹, брат Ги де Лузиньяна¹⁰. И тоже стал королем. Я перешел в его армию и служил ему до тысяча двести пятого года, когда он умер. Все надеялся получить землю во владение. А вместо этого — ты видишь сам. Все пришло в упадок.

— Обожди, Гордон, этого не может быть! Это было так давно!

— Да, давно. Я здесь с тысяча сто девяносто первого года.

— Боже, и какой сейчас год?

— Сейчас тысяча двести четырнадцатый год от Рождества Христова. Второе августа, если я правильно помню. Но у вас, у евреев, кажется, сейчас четыре тысячи девятьсот семьдесят пятый год?

— Да, но я точно не помню. Мы живем в Галилее по христианскому календарю.

— Ты что-то не так говоришь. Я ведь в Галилее бывал не раз. И в Акре¹¹ и в Сафаде¹² приходилось бывать. Это наши ближайшие соседи. И говоришь ты совсем не так, как там говорят.

Уже не знаю, что думать. Это сплошная фантазмагория. Ну не может этого быть. Это, наверное, сумасшедший: лучше с ним не спорить. И я начал говорить немного по-другому:

— Да, я не совсем оттуда. Прожил там несколько месяцев. А сам издалека, с Крайнего Севера. Может быть, ты слышал про такой город Москва. Там живут русские. Вот я и приехал оттуда поклониться Святой земле. Немного выучил язык евреев.

— Тогда понятно. Я ведь тоже с севера. У нас тоже все христиане, правоверные христиане.

Гордон ненадолго замолчал. Возможно, удовлетворил свое любопытство. Остальные восемь человек не участвовали в нашем разговоре. Кто-то уже уснул, зарывшись в солому, кто-то просто сидел, уставившись в противоположную стену. Гордон еще хотел что-то сказать мне, но в этот момент дверь открылась и вошел здоровенный малый с копьем в руке и старичок, подходивший ко мне, когда я лежал на верблюде. Он бесцеремонно приказал мне встать, задрать халат и осмотрел рану в боку. Кровь уже не сочилась, рана почти не болела, но ныла. Он еще раз смазал рану дурно пахнувшей мазью и удовлетворенно покачал головой. Я понял, что передо мной местный лекарь. Он заставил меня полностью снять халат. Потом осмотрел со всех сторон и снова удовлетворенно покачал головой. Я вдруг понял, что выше всех здесь присутствующих. Даже малый с копьем, который показался мне таким высоким, когда я сидел на полу, был более чем на полголовы ниже меня. Во мне метр семьдесят семь, не так уж много, но рост лекаря был не больше полутора метров.

Лекарь спросил меня, откуда я. Уже опасаясь говорить, что из Галилеи, и повторяю, что родом из дальних стран, с севера. Приехал поклониться Святым местам и научиться здесь врачебному искусству.

— Тогда понятно, почему ты так плохо говоришь на языке евреев. С севера — это из Болгарии или из Киева?

— Нет, из Москвы, это маленький городок, почти на Крайнем Севере. Это очень далеко.

— К нам приезжают с севера. Много рассказывают. Про Киев я слышал, про Прагу, про Краков. Про Москву не слышал. И чему ты научился во врачебном деле?

— Могу сделать повязку, могу отмочить ее, если она приста-
ла к ране. Могу поправить вывих. Пытался лечить спину. Но
настоящему врачебному искусству меня еще не учили.

Даже если это все во сне или в сумасшедшем доме, нужно
играть по правилам обитателей. Старику явно нравятся мои
слова, может быть, это мне поможет.

Несколько слов обо мне. Приехал в Израиль шесть лет назад.
По существу, еще оле хадаш*. На иврите говорю не очень хоро-
шо. Приехал сразу же после окончания медицинского института
в Твери. Теперь он называется Медицинской академией. Но как
был провинциальным вузом, так им и остался, хотя когда-то был
организован на базе одного из факультетов ленинградского ин-
ститута. В школе учился не очень усердно. Ехать куда-то посту-
пать в вуз не хотелось. Баллов на вступительном экзамене набрал
мало и смог поступить только на специальность «сестринское
дело». Там ребят брали всех подряд, не обращая внимания на
оценки. Обучение проходило в медицинском колледже. Изучать
профилактику заболеваний, предоставление психосоциальной
помощи и ухода лицам, имеющим физические и психические
заболевания, было не очень интересно. Хорошо хоть, что учили
и приемам первичной обработки ран: в порядке мобилизацион-
ной подготовки. Прослушал еще и заинтересовавший меня курс
мануальной терапии. В программе нашей специальности соот-
ветствующего курса не было, но меня это очень интересовало, и
я регулярно ходил на лекции. Жаль только, что совсем не было
практики. Чисто теоретический курс с подробной критикой
приемов знахарства. Естественно, что основной учебе уделял
мало времени: только бы не лишили стипендии. Жил и питался
дома, так что стипендия оставалась у меня полностью. Мама ра-
ботала продавцом в продовольственном магазине, а отчим сле-
сарем в ремонтном цехе завода. За низкие оценки они ругали
меня мало, так как рады были и даже гордились, что я получу вы-
сшее образование.

Все свободное время отдавал спорту. В школе ходил на заня-
тия фехтовального кружка в Доме пионеров. В старших классах
занимался вольной борьбой. В институте тоже увлекался спор-
том. На первом курсе продолжал заниматься вольной борьбой
и занял второе место в своем весе на соревнованиях институт-
ских команд города. Потом увлекся парусным спортом и про-

* Новый репатриант.

водил все время, кроме зимы, на Волге. Зимой было скучно, поэтому вспомнил свое детское увлечение, стал ходить в группу саблистов. В группу, занимающуюся фехтованием на рапирах, меня не приняли, так как там было слишком много желающих, а я подрастерял свои детские навыки.

В общем, институт окончил и получил полагающийся мне диплом. Обязательное распределение в России отменили давно, и мне самому нужно было устраиваться на работу. Но идти работать в больницу или в какое-то заведение для стариков совершенно не хотелось. И тут мама вспомнила, что она еврейка. Обычно мы на эту тему не разговаривали. Я на еврея похож совсем мало, так как отец — он работал токарем на том же заводе, что и отчим, — был русским. После работы он частенько поддавал (разгружался, как он заявлял) и однажды, будучи весьма пьяным, попал под машину. Мне тогда было всего пять лет, я его почти не помню. Мама через год вышла замуж за его друга, который пил значительно меньше. Только по праздникам и в субботу вечером. Жили они в общем дружно, отчим не пытался стать главным в семье, полагаясь в большинстве случаев на маму. Отчим зарабатывал больше, чем мама, но у нее были связи во многих магазинах, и у нас не было недостатка в чем-то существенном. Я не помню больших скандалов в нашей семье.

И вот мама говорит:

— Мне очень жалко расставаться с тобой, но ради твоего счастья и будущего твоих детей тебе нужно уехать в Израиль.

— Мама, каких детей? Ты о чем? И сдался мне этот Израиль. Что я там буду один делать?

— Дети у тебя все равно будут. Куда ты денешься. А в Израиле будешь жить. Специальность у тебя есть, найдешь работу, купишь квартиру, женишься, заведешь детей. Может быть, и я к тебе приеду повидать внуков. А здесь что тебе светит? Всю жизнь жить с нами? Квартиру ты никогда не сможешь купить. Жену некуда будет привести.

Вот так, она все разговоры сводит к жене, детям. Зачем они мне? Что, девушек мало на свете?

Отчим тихо проворчал:

— Здесь тоже можно жить. Можно устроиться в охранную фирму. Роман вон какой здоровенный. Там больше платят, чем на заводе. И женщину можно подыскать с квартирой. Рома у нас симпатичный. На него девки заглядываются.

— Далась вам эта квартира. Мне и в нашей хорошо.

Но если маме что-то пришло в голову, она уже не оставит это просто так. Через неделю принесла мне кучу бумаг, сказала, что все узнала в консульстве Израиля в Москве. Нужно заполнить эти бумаги и ехать в ОВИР за разрешением на выезд. Попробовал еще сопротивляться, но она была неумолима. Так я и оказался в Израиле.

В аэропорту, после того как были выполнены все формальности и я получил документы, деньги и чеки, женщина-волонтер, беседующая с новыми израильянами, посоветовала ехать на крайний север Израиля, так как мне, по ее мнению, будет тяжело выдержать жаркий и влажный климат юга. А в центре дорого стоит жилье. Поэтому я поехал аж в городишко Шломи. Это в полутора километрах от границы с Ливаном. Там мне удалось дешево снять комнату у пожилой женщины, которой, вероятно, скучно было одной жить в большом одноэтажном доме. Пять месяцев учебы в ульпане*, потом работа в мошаве, где я помогал хозяину ухаживать за несколькими вольерами с курами: рассыпать по кормушкам зерно и убирать куриное дерьмо. Вонь там потрясающая. А гигантские летающие тараканы — это что-то с чем-то. И наконец, служба в армии. Новых израильянов из России призывают в армию только через год после приезда и только на один год. Учитывая мои документы об образовании в России, меня определили после тиранута** в санитарную часть. Мои абстрактные знания, полученные в колледже, негодились здесь. Ну если только приемы первичной обработки ран. И то все пришлось осваивать заново. Не те лекарства, не те перевязочные средства. Разве что раны сходные, но в колледже нам настоящих ран не показывали. Чему-то меня здесь все-таки научили, хотя во время моей непродолжительной действительной службы не было инцидентов ни на северной границе, ни в Газе. Я служил рядом с Хайфой. В субботу, когда почти всех отпускали домой, ходил по Хайфе, рассматривал магазины. Именно рассматривал, так как денег, которые давали солдатам, едва хватало на оплату моей комнаты в Шломи. Хорошо хоть, что хозяйка сжалилась над одиноким солдатом и понизила плату еще в два раза. В книжных магазинах очень много литературы на русском языке. И продается она буквально за гроши. Я нашел две книжки по мануальной терапии и одно старое «Пособие костоправу», выпущенное еще до

* У л ь п а н — школа по изучению иврита.

** Т и р а н у т — месячная проверка и обучение новобранцев.

революции. Эти книги штудировал много раз, благо на службе делать было почти нечего. Парни здоровые, а если заболели, то сразу же смывались домой, лечиться у своих врачей.

После демобилизации вернулся в Шломи, нашел работу в большом госпитале в Нагарии¹³. Несмотря на мои документы об образовании и армейский опыт, меня не взяли работать медбратом. Пришлось идти подсобным рабочим: таскать кровати с больными по кабинетам. Два раза призывали в милуим*. Я сразу же пошел учиться на медбрата. Во время учебы удалось прослушать курс, связанный с мануальной терапией. Была даже небольшая практика, если так можно назвать наблюдение за действиями врача над реальным пациентом. Было тяжело из-за незнания языка, но как-то я выкрутился и через два года получил свой диплом.

Знаний, полученных на курсах, мне показалось недостаточно, пошел еще на вечерние курсы массажистов. На них нам действительно удалось попрактиковаться. Кроме того, это дало мне возможность позднее подрабатывать массажем. Меня приглашал иногда помочь преподаватель курса, когда у него было много работы.

Нужно сказать, что медбрат в Израиле это совсем не то, что медицинская сестра в России. Мы делаем практически всю лечебную работу в палатах. Не отвлекаемся ни на уборку помещений, ни на перемещение больных. Врачи только проводят осмотры, консультируют и назначают лечение. Меня взяли медбратом в гериатрическое отделение того же госпиталя. Конечно, тяжело, но сразу зарплата выросла более чем в два раза, и я смог снять нормальную квартиру в Нагарии. Работа, опять призывали в милуим, и как раз во время операции «Несокрушаемая скала».

А теперь я сижу в каменном сарае. Дух от всех нас десятирх — весьма тяжелый. Наверное, можно вешалку вешать на то, что осталось здесь от воздуха. Как только выдерживает этот аромат старичок-лекарь, который пытливо смотрит на меня и что-то соображает, пока я вспоминаю всю свою историю. Он спрашивает:

— Как тебя зовут?

— Роман, но все зовут меня Рувим.

* М и л у и м — резервистская служба в государстве Израиль.

Собственно, мое имя Роман, но местные в госпитале и в армии действительно зовут меня Рувим, так им удобнее. Но старичок решил звать меня настоящим именем.

— Роман, как ты оказался в этой пустыне? Ты идешь из Акры?

Вероятно, ему не верится, что я дошел сюда по своей воле из Галилеи. Я тогда не мог даже подумать, что он подозревает во мне шпиона крестоносцев, пришедшего от правителя Акры. Не могу же я рассказать ему, что был на бронетранспортере. Придется что-то выдумывать на ходу. Я уже мысленно согласился, что мы говорим о каких-то отдаленных временах. Но что я помню о них? Меня никогда не интересовала абстрактная история. В ульпане мы мельком обсуждали древнюю историю Израиля. Что-то о царе Давиде и Соломоне. Но это совсем другое время. Акра — это, наверное, Акко. А что еще было в то время? Нельзя отклоняться от того, что я уже сказал. Старичок умный.

— Да, наш парусник довез меня до Акры, а потом я с паломниками шел в Иерусалим, чтобы поклониться Святым местам. И еще хотел поучиться лечебному делу. Но в Иерусалиме мне не удалось пожить. Мне посоветовали идти в Газу, там, говорят, еще много евреев и имеются хорошие лекари.

— Хорошие лекари имеются везде. Многому можно научиться в Фустате¹⁴. Там еще живут и лечат ученики Мусы бин Маймуна¹⁵. Я тоже когда-то учился у него, но это было давно. Жалко, что тебе вряд ли придется учиться там. Тебя продадут, и неизвестно кому.

— Почему продадут? Я ведь свободный человек.

— Это тебе так кажется. Кто это может подтвердить перед судьей? Сейчас ты раб уважаемого торговца Ибрахима ал-Курди. Через неделю будет большой базар, и тебя выставят вместе с остальными рабами Ибрахима на продажу. Ибрахим хвастался, что получит за тебя много денег. Поэтому он просил меня позаботиться о тебе, чтобы ты выглядел хорошо при продаже. Ладно, у тебя все хорошо заживает. Моли своего Бога, чтобы ты достался хорошему хозяину.

Молчавший все время Гордон неожиданно сказал:

— Да, разбрасают нас в разные стороны.

Я ответил:

— Но мы и пришли с разных сторон.

Собравшийся уже уходить лекарь остановился и спросил меня:

— Ты понимаешь английский язык?

— Да, я в Константинополе лечил одного англичанина. Он и оплатил мой проезд до Антиохии¹⁶. А потом нанялся на небольшое судно, доплыл на нем до Акры.

Врать так врать. Я это все сказал спонтанно, нужно же было как-то оправдать знание английского языка.

— А чем англичанин болел?

— Он не болел. Но у него были постоянные боли в пояснице. Я попытался ему помочь, и у меня получилось. Через три дня боли прошли.

Я инстинктивно пытался заинтересовать лекаря и развеять его опасения.

Лекарь ушел, сопровождавший его парень закрыл за ним дверь, а я впервые задумался по-настоящему о своем положении. Это не сон, не дурацкая шутка. Я действительно раб, и меня через неделю продадут неизвестно кому.

Дверь снова открылась, и в сарай вошел все тот же парень с копьем и хлыстом. За ним другой мужик, постарше, принес котелок и глиняные миски. Миски раздал всем десятерым рабам. В миски налил из котелка какое-то густое варево и насыпал в него травы. После этого вышел из сарая. Все начали жадно есть, захватывая варево руками. Я понюхал варево, и меня чуть не вырвало от тошнотворного запаха. Только теперь понял, что есть очень хочется, ведь я не ел со вчерашнего утра. Но это варево есть невозможно. Отставил миску в сторону. Парень что-то крикнул мне. Но я не понял и никак не отреагировал. Он подскочил ко мне и ударил хлыстом по плечам. В этот момент негр, сидевший справа от меня, схватил мою миску и начал быстро пожирать ее содержимое. Парень хлестнул и его, но тот не выпустил миску, пытаясь быстро съесть все. Парень хлестнул его еще раз, плюнул в нашу сторону и тоже вышел, закрыв за собой дверь.

Гордон сочувственно сказал:

— Зря ты так. Сегодня больше кормить не будут. Если не будешь есть, умрешь. Да еще каждый день бить будут.

— Значит, умру. Но эту бурду есть не буду.

— Почему? Еда, конечно, не очень, но есть-то можно.

— Нет, не буду.

Я начал осторожно развязывать веревку на ногах. Ослабил и оставил только так, чтобы сбросить ее сразу.

Минут через десять в сарай вошли двое парней и потащили меня во двор. Там стоял тот самый толстый бедуин, которого я увидел первым, когда очнулся, и лекарь. Бедуин — я уже пони-

мал, что это мой хозяин, — что-то сказал лекарю. Лекарь спросил меня:

— Почему ты не ел пищу? Хозяин злится, говорит, что так ты умрешь, а он не хочет терять свои деньги. Он заставит тебя есть.

— Эту бурду есть не буду. Ее свиньи даже не станут есть.

Лекарь перевел мои слова хозяину. Тот обозлился и крикнул что-то своим двум парням. Тот, который хлестал меня в сарае, двинулся ко мне, выставив вперед пику. Но я уже заметил у второго парня саблю, висевшую на боку. Он стоял недалеко. Я уклонился от пики, сбросил с ног веревку, кинулся к нему и выхватил саблю из ножен. Он не ожидал нападения и отскочил, когда увидел саблю у меня в руках. Я развернулся к парню с пикой и отбил ее. Парень побледнел и тоже отскочил от меня, но пику не выпустил. Поняв, что мне терять больше нечего, я в три шага добежал до хозяина и крикнул лекарю:

— Переведи этому бедуину, что, если он не прикажет парню положить пику, разрублю его на месте.

Лекарь сказал что-то побледневшему хозяину, и тот выкрикнул приказ. Парень положил пику на землю, но не отошел от нее. Теперь лекарь спокойно обратился ко мне:

— И чего ты добьешься? Даже если перебежешь здесь нас всех, никуда не уйдешь. Ворота закрыты. Да и без ворот сейчас набегут люди и убьют тебя. Чего ты хочешь?

— Не хочу жрать это месиво, которое дают рабам.

— Но ты ведь раб.

— Лучше умру, но не стану это есть. И с удовольствием захвачу с собой на тот свет эту жирную тушу.

Лекарь усмехнулся и коротко перевел хозяину мои слова. Тот немного успокоился, но стал размахивать руками и кричать на высоких тонах. Лекарь опять стал что-то втолковывать ему. Хозяин совсем успокоился и буркнул несколько слов. Лекарь опять обратился ко мне:

— Положи саблю, хозяин обещает кормить тебя по-человечески. Но грозитя продать тебя самому паршивому покупателю.

— Он обманет.

— Нет, он обещал мне. Я тебе гарантирую, что он не разрешит и пальцем тебя тронуть. Разрешит ходить без веревок, если ты дашь слово, что не будешь пытаться убежать. Будешь рядом со мной. Бежать не советую. В пустыне тебя сразу поймают. И тогда позорная смерть обеспечена.

Я поглядел на лекаря и поверил ему. Поверил его спокойствию. Пообещал, что не сбегу, и положил саблю рядом с собой. Второй парень сразу схватил ее, но не пытался сделать что-нибудь без приказа.

Потом лекарь увел меня в свою комнату. Комнатой это можно было назвать только с большой натяжкой. Это такой же каменный сарай с единственным окном около двери. Но на стенах и на полу были ковры. Не бог весть какой чистоты, но ковры. У дальней стены невысокая деревянная лежанка, тоже покрытая ковром. На ковре лежали подушка и одеяло. Вероятно, это было место для отдыха или сна. С правой стороны около двери приютилась табуретка, на которой стоял кувшин с выгнутым носиком. Рядом на полу — тазик. С левой стороны вдоль стены лежали вьюки. Лекарь развязал один из вьюков и вытащил еще один коврик, чем-то набитый мешочек, одеяло, вполне приличный халат и набедренную повязку. Халат и набедренную повязку передал мне. Все остальное бросил около правой стены и сказал:

— Старый халат оставь. В нем ты пойдешь на продажу. А это будет пока твое место. Меня зовут Ахмад из Феса¹⁷. Я надеюсь, что мне удастся купить тебя у Ибрахима ал-Курди. Зови меня при людях ал-Саид табиб Ахмад. Наедине можешь называть меня Абу Сахат.

Я уже писал, что иногда говорил в больнице с арабами. Поэтому сразу понял, что Абу Сахат означает «отец здоровья».

— Хорошо, как скажете. А сколько Ибрахим потребует за меня?

— Просить он будет четыреста — пятьсот дирхемов¹⁸, но больше чем двести пятьдесят я не дам ему. За обычного раба он не получит сейчас больше ста пятидесяти — двухсот дирхемов. Недавно из Нубии привезли очень много рабов. Так что цены снизились. А теперь ополоснись, прежде чем наденешь этот халат.

Меня удивляло, почему он так доверительно говорит со мной. Только спустя две-три недели я понял причину.

Через полчаса мы вышли из этого большого двора и зашли в соседний, значительно меньший. Под навесом были расстелены несколько ковриков, на некоторых из них сидели люди и ели, ведя тихие разговоры. Мы с хозяином тоже сели на корточках на ковриках. Подбежал мальчишка, и они с хозяином стали что-то обсуждать. Потом нам принесли еду. Еда была почти одинаковая: овощи и солидный кусок баранины. Но Абу Саха-

ту принесли дополнительно чашку гранатового сока и кувшин воды со льдом. А мне только кувшин с холодной водой. Но я все равно был благодарен хозяину. После той мерзости, которой собирался кормить меня Ибрахим, баранина, нормальные, чисто вымытые овощи и, главное, много воды показались мне райской пищей. Только теперь я понял, как хочу пить и есть. Я, наверное, выпил бы всю воду, но хозяин предупредил меня:

— Остановись, иначе пища не пойдет впрок. Никто у тебя воду не отберет. Ешь медленно, ты давно ничего не ел.

Жирную баранину непривычно и даже тяжело есть, особенно после такого количества холодной воды, но с зеленью, приправленной чем-то острым, мне удалось с ней справиться. После обеда хозяин посмотрел на мой пустой кувшин, заказал еще один и приказал взять его с собой. В нашей комнате — я ее уже называю комнатой, а не сараем, — хозяин переоделся в другой халат и устроился отдыхать. Мне он приказал тоже спать, но закрыть сначала дверь на засов.

Сон не шел. Я лежал на своем коврике и думал. Мысли были тяжелые. Неужели я действительно раб и все это мне не снится? Хорошо, если Абу Сахат меня действительно купит. А если нет? Что делать? Конечно, я могу убежать, но куда потом идти? Ведь ничего здесь не знаю. И снова одно и то же, одни и те же мысли. Проворочался на своем коврике почти час. Наконец Абу Сахат встал, переоделся в повседневную одежду. Я тоже встал. Он порылся в одном из тюков, вынул две сабли в кожаных ножнах и бросил одну мне.

— Защищайся!

Я в недоумении подхватил на лету саблю, вытащил ее из ножен и замер, не вставая в позицию. Абу Сахат снова крикнул мне:

— Защищайся!

И начал медленно наступать на меня. Ничего не могу понять, но автоматически встал в позицию, выставив саблю немного вперед. Он сделал ложный выпад и смотрел мою реакцию. Я не вышел из занятой позиции, так как видел, что сабля даже близко не пройдет около меня. Он передвинулся еще на шаг и снова сделал выпад. Наверное, сказывался возраст, или он в действительности не хотел напасть на меня, но движения были замедленные, и я, подняв саблю, легко отклонил его клинок. Он несколько ускорил движения и попытался провести атаку с финтом по моему правому боку. Но это тоже было слишком очевидно. Отодвинувшись на мгновение влево, парировал его удар, отклонив саблю вверх. Он еще и еще пытался

достать меня, применяя один за другим разные приемы. Но сказался автоматизм моих рук: оказывается, они помнили все или почти все. Наконец он сдался, отошел в сторону и сказал:

— Ты не ученик лекаря, ты солдат.

— Нет, я не солдат, просто меня тот англичанин немного учил разным приемам.

— Не играет роли, кто тебя учил. Но ты можешь сражаться.

Никогда не думал, что мои кратковременные институтские занятия могут пригодиться в реальной жизни. Просто не принимал их всерьез. И тут Абу Сахат добавил:

— Никому больше не показывай, что ты умеешь обращаться с оружием. Это важно.

А кому я смогу это показать? Я раб. Абу Сахат посмотрел мою уже почти совсем зажившую рану, удовлетворенно хмыкнул и заставил меня выйти во двор:

— Ты должен каждый день бывать на воздухе, двигаться, укреплять мышцы.

Почему он так заботится обо мне? Я ничего не мог понять. Вечером мы еще раз поели, после чего Абу Сахат начал показывать мне разные травы, вытаскивая их из тюка. Он пытался объяснить, против каких болезней помогает каждая трава. Но у меня все пугалось в голове, никак не мог ничего запомнить. Абу Сахат быстро понял, что я совсем не разбираюсь в травах. Он печально покачал головой и сказал:

— Ладно, ты запомни хотя бы, какие травяные настойки нужны, чтобы остановить кровь, какую мазь нужно использовать для того, чтобы рана не загноилась. Другому пока тебя учить не буду.

И он снова начал показывать мне некоторые травы, но в очень медленном темпе. Потом мы опять поупражнялись на саблях. Но теперь Абу Сахат не пытался поймать меня сложным маневром. Он сказал, что это упражнение нужно, чтобы мышцы не застаивались. Он быстро устал и сел на свою постель, но заставил меня еще некоторое время махать саблей, имитируя бой. Каждый день мы (вернее, в основном я) упражнялись, и так до дня продажи на рынке.

С утра Абу Сахат заставил меня надеть старый, грязный халат, в котором я прибыл в Газу. Он немного намазал мне лицо и тело какой-то мазью, чтобы я не выглядел таким белым. Потребовал от меня вести себя на рынке вызывающе и все время хмуриться. Объяснил, что это нужно, чтобы не понравиться ста-

рым матронам, которые могут заплатить большие деньги за симпатичного раба. Потом передал меня Ибрахиму.

И вот я на площади, стою на возвышении вместе с остальными рабами. Но мы все не связаны. Ибрахим сначала предлагает на продажу своих негров на выбор по цене в двести дирхемов. Но желающих купить нет. Тогда он выставляет на продажу молодого парня восточной наружности. Я взгляделся в него, он совсем еще мальчишка. И за него начинается яростный торг. Цена — Ибрахим назначил за него сначала триста дирхемов — быстро поднимается. Сначала в торге участвовали пять мужчин, но потом, когда цена поднялась до четырехсот дирхемов, остались только двое. К моему удивлению, цена быстро достигла пятисот дирхемов. И только после этого оба покупателя замедлили темп. Но наконец старик, заплативший почти шестьсот дирхемов, увел его с собой. Остальные двое мужчин (я так и не понял, они тюрки или нет) были проданы по первичной цене, по двести дирхемов. Ибрахим снова выставил своих пятерых негров, но уже по цене в сто восемьдесят дирхемов. Опять не нашлось желающих. Какой-то мужчина предложил за них оптом семьсот пятьдесят дирхемов. И Ибрахим согласился. Оставались мы с Гордоном. Ибрахим хотел получить за него двести пятьдесят дирхемов. Но единственный покупатель предлагал только сто восемьдесят, говорил, что он очень старый. Наконец они сторговались на двухстах дирхемах. Когда Ибрахим выставил меня и потребовал четырехста дирхемов, покупателей не нашлось. Он очень удивился, начал расхваливать меня, показывая мой рост, мышцы. Проговорился, что я владею саблей. Но желающих купить меня по-прежнему не было. Но вот какая-то старушка от имени матроны, полностью закутанной, так что даже лица не было видно, предложила за меня сто восемьдесят дирхемов. Ибрахим разразился проклятьями, начал кричать, что лучше убьет меня, чем продаст за такую мизерную сумму, но никто не откликнулся. Позднее Абу Сахат объяснил мне причину: оказывается, он продал широкой огласке историю с моим отказом есть подаваемую бурду и о том, как я выхватил саблю во дворе караван-сарая. Наконец, когда старушка предложила двести дирхемов, Абу Сахат выступил вперед и поднял цену до двухсот пятидесяти. На этом торг кончился. Я теперь раб почтенного ал-Саид таиб Ахмада.

Глава 2

УЧЕНИК ЛЕКАРЯ

1214 год

Когда мы оказались в комнате Абу Сахата, я сразу же переоделся в свою прежнюю одежду, выбросил рваный халат и смыл мазь, которой он намазал меня перед продажей. Абу Сахат объяснил:

— Пятерых негров взяли на работу в поле. Двоих тюрок... Все-таки это были тюрки.

— ...купил представитель одного из эмиров. Из них сделают мамлюков¹. Через некоторое время из них получатся хорошие солдаты, и через десяток лет, если они будут нормально воевать и не погибнут в боях, их ждет хорошее будущее. Мальчишка — кастрат, поэтому за него заплатили так много. А из Гордона делают сторожа. Он старый и не годится уже быть солдатом.

Потом он перешел к главному:

— Ты будешь у меня не рабом, но учеником и охранником. Я заплатил за тебя двести пятьдесят дирхемов, и ты должен отработать их. Буду списывать с твоего долга десять дирхемов в месяц и предоставлю еду, одежду и кров. Если у тебя появятся деньги раньше и ты сможешь уплатить долг, ты совсем свободный человек.

Я поблагодарил Абу Сахата за все, что он для меня сделал. И добавил:

— Постараюсь научиться у вас всему, что вы знаете. Вы можете во всем положиться на меня.

Мы пробыли в Газе еще около недели. Каждый день не меньше чем по часу я делал упражнения с саблей. Потом добавились упражнения с пикой, которую Абу Сахат однажды принес откуда-то. Два раза к нему приходили люди из нашего караван-сарая с жалобами на недомогание. Он выдавал им порошки, а потом подробно объяснял мне, чем болели люди и какие вещества входят в порошки. Он принес мне свиток, чернильницу и калам², чтобы записывать его слова. Сначала у меня плохо получалось писать, тем более что я писал на иврите, который знал слабо. Но потом, когда я научился правильно держать калам, стал записывать все по-русски. Абу Сахат долго вглядывался в мой рукописный текст и признал, что не понимает, на каком языке я пишу. Он с сомнением покачал головой и заметил, что в Киеве и в Болгарии пишут совсем не так. Пришлось объяснять, что так пишут в Москве, из которой я приехал на Святую землю. Его очень удивила скорость, с которой записывались его слова.

Однажды к нам пришел человек, жалующийся на боли в спине. Он, как и мы, жил в этом караван-сараяе. Абу Сахат велел мне осмотреть больного. Я положил его на лежанку учителя, заставил снять халат и начал ощупывать позвоночник. Довольно быстро нашел позвонок с небольшим смещением диска. Показал это место учителю. Он тоже пощупал и кивком подтвердил мое мнение. Вначале я провел разогревающий массаж этого места и прилегающих мышц. Абу Сахат внимательно следил за движениями моих рук. Потом я заставил больного сменить положение, чтобы нижняя часть тела как бы свисала с лежанки и создавался эффект слабого вытягивания позвоночника. Наконец снова провел непродолжительный массаж и резко толкнул позвонок в сторону. Пациент вскрикнул, глаза учителя расширились, он хотел что-то сказать, но промолчал, так как больной успокоился. Я снова передвинул все его тело на лежанку, прощупал позвонки, провел дополнительный успокаивающий массаж и прикрыл халатом. Обернулся к Абу Сахату и сказал, что больше ничего не смогу сделать для больного. Он сам прощупал позвоночник больного и разрешил ему потихоньку одеваться. Больной с сомнением сполз с лежанки, осторожно повернулся корпусом вправо-влево и сказал, что боли вроде нет. Он полностью оделся, еще раз проверил свои ощущения и полез за своим кожаным кошельком. Из кошелька вытряхнул восемь дирхемов и протянул Абу Сахату. Тот взял из них половину, а половину отдал мне. Больной еще несколько раз поблагодарил нас и ушел, прислушиваясь к своим ощущениям.

Я ждал реакции учителя. Он помолчал и сказал:

— Дефект был небольшой, но ты почти все делал правильно, хотя и рискованно. Я волновался, когда ты заставил его спустить ноги с лежанки. Это не всегда можно делать. Тем более что он лежал у тебя косо. Это неправильно.

— Но нельзя было положить его правильно, лежанка слишком узкая.

— Не спорь, когда тебя учат. Слушай и запоминай.

Больше больные к нам не приходили. В Газе имеются свои врачи, ревниво относящиеся к работе посторонних.

Мы уже приготовились отправиться в путь. Абу Сахат купил ослика, так как не хотел ехать на верблюде. Тюки он собирался водрузить на одного из верблюдов каравана, с которым мы должны были двигаться в Каир. Мне предстояло всю дорогу идти пешком. Смеею заверить, что это лучше, чем валяться связанным на спине верблюда. А за два дня до того, как мы должны

были выйти с караваном, моего учителя пригласили в замок к хозяину крепости и всего района Газы эмиру Мухаммаду бин Ахмаду. Оказывается, ему доложили, что в караван-сарай остановился известный лекарь ал-Саид табиб Ахмад Абу Сахат. Уважаемый эмир Мухаммад бин Ахмад Мансури³ не принадлежал к семье султана, но происходил из известной курдской семьи. Он с мальчишеских пор был гулямом⁴ ал-малик ал-Мансура Ширкуха ибн Шади⁵ — дяди Салах ал-дина, а потом воевал в армии Салах ал-дина, когда тот завоевывал Египет. Год служил в Дамаске ал-Афдалу ибн Юсуфу⁶ (когда он еще не был султаном) и после возвращения в тысяча сто восемьдесят седьмом году Газы правоверным был назначен ее правителем (наибом). Я называю тысяча сто восемьдесят седьмой, хотя Абу Сахат, естественно, назвал пятьсот восемьдесят третий год по Хиджре⁷. Я и дальше буду приводить даты от Рождества Христова, расстояние в километрах, а вес в килограммах. Теперь наibu семьдесят лет. Наверное, у него много старческих хворей.

Рассказал мне Абу Сахат и историю Газы. Новейшую историю, так как город Газа существовал с древнейших времен. По крайней мере, во времена египетских фараонов он был большим городом. Когда крестоносцы хотели окружить город Аскалон⁸ крепостями, чтобы никто не мог без их разрешения ни войти, ни выйти из него, они обратили внимание на старинное местечко, называемое Газа. Большое заброшенное городище: это был один из пяти древних городов филистимлян⁹. Крестоносцы обнаружили высокие стены, здания в руинах, разрушенные водоемы, колодец с чудесной живительной водой. Руины раскинулись на довольно высоком холме, но так как кольцо стен было слишком широким, крестоносцы поняли, что снова восстановить все эти стены — дело нелегкое. Поэтому они построили только замок. За оказанную Иерусалимскому королю Балдуину III помощь и поддержку, а в основном благодаря соблюдению храмовниками нейтралитета в борьбе за трон между молодым королем и его матерью Мелисендой, тамплиеры¹⁰ в тысяча сто пятидесятом году получили в пользование замок и превратили его постепенно в город Газу. А в тысяча сто восемьдесят седьмом году после славной победы Салах ал-дина над неверными около Хаттина¹¹ многие крепости сдались мусульманам без боя. В том числе и Газа.

Пока Абу Сахат рассказывал мне все это, наступило время идти к Мухаммаду бин Ахмаду. Мне не показалось, что замок стоит на высоком холме, но вид у него был солидный. Впрочем, чувствовалось, что его давно не обновляли: ров перед воротами

наполовину засыпан всяким хламом, мост через ров, вероятно, давно уже не поднимали, да и в обшарпанном караульном помещении перед мостом никого не было.

Но в воротах нас все-таки остановили, спросили, кто мы и куда идем. Абу Сахат назвал себя, и командир, высунувшись из боковой комнаты, приказал пропустить нас и проводить к наибу. Миновав ворота, мы попали во дворик, заканчивающийся еще одними открытыми воротами. Проводник уверенно провел нас в следующий большой двор. Здесь перед нами открылся замок во всей его красе. Справа и слева, примыкая к обеим высоким стенам, тянулся ряд жилых и подсобных помещений. Впереди возвышался донжон¹² и дом владельца замка. Дальше нам пришлось пройти по извилистому ходу, внезапно расширившемуся и упершемуся в полукруглую стену с тремя одинаковыми дверями. Через правую дверь и небольшое помещение мы прошли в просторный зал, на стенах которого было живописно развешено оружие: копья, сабли, щиты, шлемы и вещи, которые мне не удалось опознать. В зале мы простояли несколько минут, пока наш провожатый ходил и разговаривал с кем-то в следующей комнате. Наконец он вернулся, провел нас до двери и передал пожилому мужчине в богато расшитом халате.

Мужчина назвал себя Мурадом, и рассыпался перед почтенным ал-Саид таиб Ахмадом в извинениях, что не встретил нас у моста через ров. Я понял только несколько слов. Абу Сахат тоже что-то цветисто отвечал. Они говорили минут пять, причем Мурад несколько раз произнес полное имя Мухаммада бин Ахмада, но я его не запомнил. Потом Мурад проводил нас в покои наиба. Мухаммад бин Ахмад — полный пожилой человек, явно не блещущий здоровьем. Мухаммад бин Ахмад и Абу Сахат оказались давними знакомыми. Они начали оживленно разговаривать, а мне учитель переводил только тогда, когда речь шла о здоровье Мухаммада бин Ахмада. Остальное учитель пересказал мне позднее, весьма лаконично.

Наиб Газы жаловался на болезненные ощущения в спине, пояснице и в шее. Кроме того, его беспокоило, что с недавно приобретенной невольницей — «ах, какая гурия» — у него ничего не получается. Учитель посоветовал сначала ослабить болезненные ощущения, которыми займется его ученик. Тут же успокоил наиба, сказав, что я талантливый ученик, но он будет наблюдать все время. Просто у него недостаточно сил самому провести процедуры. Я прощупал весь позвоночник наиба. Никаких нарушений ни на позвоночнике, ни в шейном отделе не

было. Учитель тоже проверил и ничего не нашел. Мы решили провести общеукрепляющий массаж. Продавить эту массу жира, чтобы добраться до мышц, было действительно непросто. С меня семь потов сошло, пока я закончил эту процедуру. Потом добавил расслабляющий и успокаивающий массаж. Вроде помогло, по крайней мере, наиб встал, прислушался к своим ощущениям и заявил, что никогда за последнее время не чувствовал себя таким бодрым. Учитель снова уложил его на ложе и начал тихонько массажировать, смазывая кожу какими-то маслами, источавшими приятный сложный аромат. Потом он показал наибу коробочку, в которой лежал камень, и посоветовал открывать его в спальне за полчаса до свидания с женщиной. Камня хватит на месяц. Затем он заторопился, посоветовав наибу скорее отправляться на свидание со своей «гурией», и церемонно распрощался.

В зале нас встретил Мурад. Он передал Абу Сахату кожаный мешочек с монетами и в цветистых выражениях от имени наиба поблагодарил нас за визит. Меня удивило, что мешочек был совсем небольшим. Подумал даже, что за такую работу можно было бы дать нам и побольше дирхемов. Но когда я высказал это учителю, он рассмеялся:

— Такой вельможа, как Мухаммад бин Ахмад, не платит дирхемами. Здесь динары¹³.

И дал мне подержать мешочек.

Когда я спросил, какое масло он втирал в кожу наиба, учитель ответил:

— Это сложный состав, включающий сандал, кипарис, имбирь, гвоздику и рог носорога. Я тебе позднее расскажу рецепт. Пока это тебе рано.

Кстати, на следующий день рано утром нас посетил Мурад. Он снова витиевато говорил что-то учителю и вручил мне поводья жеребца. Как передал мне потом учитель, наиб благодарил его за все и, главное, за то, что он спас его от позора немощности. Учитель посмотрел на жеребца и сказал:

— Если хочешь, можешь вести жеребца за узду, но, если сможешь, садись на него верхом. Я поеду на ослике.

Он дал мне совсем другую одежду для езды на лошади и помог не запутаться в ней.

Честно говоря, я опасался садиться на жеребца, но Абу Сахат привел араба, который придержал жеребца, пока я садился на него, а потом провел его несколько раз по кругу во дворе караван-сарая. Собрались люди, мне стало стыдно, и я попросил

его оставить нас. Араб отошел, мы продолжали ходить по кругу, вроде ничего не случилось. Возможно, жеребец был хорошо выучен. Он совсем не боялся людей, только удивленно поворачивал голову, когда не мог понять, чего от него хотят.

На следующий день наш караван вышел из Газы.

От Газы до Дамиегты¹⁴ около ста пятидесяти километров. Для каравана это три-четыре дня пути, если не останавливаться на длительные стоянки. Но мы вечером первого дня остановились в маленькой деревушке. И это было благом для меня. Я лихо ехал на своем жеребце первые два часа. Но потом понял, что внутренняя сторона бедер стерта и ноги очень болят. Пришлось спешиться и вести весь оставшийся день жеребца под уздцы. Абу Сахат посмеивался надо мной, но вечером на стоянке в арабской деревне смазал стертые места мазью. Три раза во время остановок все, кроме меня, расстилали коврики и молились, глядя в сторону востока. Кроме того, молились утром перед выходом каравана и вечером. Дальше я не буду упоминать об этом. Вообще, Абу Сахат не показался мне чрезмерно усердным мусульманином. Более того, по некоторым признакам подозреваю, что мусульманином он стал уже в зрелом возрасте. Вероятно, был из еврейской семьи.

Ноги еще поболели, но на следующий день боль прошла. Мы остановились в практически заброшенном караван-сараяе. Не было ни хозяев, ни постояльцев. Одни стены. На следующий день в деревне был торг. Купцы развязали тюки и выложили товары на продажу. Местные жители вынесли на базар продукты. Прошелся по базару, рассматривая товары и покупателей. Ассортимент был скудный: кое-что из домашней утвари, дешевые ткани, какое-то оружие. Спросом пользовались только ткани. Деревенские модницы, укутанные в свои одеяния, рассматривали их, шупали, горячо обсуждали между собой. Изредка покупали. Деревушка, вероятно, бедная.

На медные деньги, которые мне дал учитель, купил немного свежих овощей, небольшой круг козьего сыра и домашние лепешки. Свежего мяса на базаре не было. К моему приходу Абу Сахат вскипятил котелок воды и приготовил чай. Мы перекусили сушеным мясом, сыром с овощами и вдоволь напились горячего душистого чая, настоянного на травах. Потом учитель лег отдохнуть, а я еще немного поупражнялся с саблей.

Делать до ужина было нечего, можно посмотреть деревню. Она маленькая, не более сотни домов, да и из них часть явно не-

жилые. В центре мечеть. Деревня окружена забором из необожженного кирпича. Единственные деревянные ворота охраняет старик с саблей. Ни забор, ни ворота не являются препятствием не только для армии, но даже для небольших отрядов. Но как защита от нападения мелких шаек разбойников, возможно, этого достаточно.

Вернулся в караван-сарай. Учитель уже проснулся и спросил, как я себя чувствую. Я пожал плечами и ответил, что ноги совсем не болят, завтра поеду верхом. Он посоветовал время от времени слезать с лошади и идти пешком. Потом он снова разжег костер, над которым повесил котелок с водой. Мы поужинали остатками сыра и лепешками. Абу Сахат вытащил из тюка сушеную рыбу. Со сладким чаем она показалась очень вкусной. Впрочем, мне, наверное, любая еда показалась бы вкусной. Я здорово проголодался за день, а обед был весьма скромный. Мы рано легли спать, так как здесь быстро смеркается, а завтра вставать рано: караван выходит в путь с рассветом.

Утром снова чай с лепешками, сыр уже съели. Абу Сахат встал значительно раньше меня и вскипятил котелок воды. Тюки были упакованы с вечера. Собственно, мы вчера распаковывали только один тюк, где были съестные припасы. Верблюд, мой конь и ослик учителя уже скудно накормлены и вволю напоены. Мы навьючили верблюда тюками и были готовы занять свое место в караване. Выход немного задержался, так как перед нами выпускали через единственные ворота несколько стад коз и большую отару овец местного раиса¹⁵. Наконец подошел и наш черед. Мы вышли из ворот и свернули на дорогу, ведущую параллельно морскому побережью в Египет.

Через пару километров дорога совсем изменилась. Вернее, изменилась не сама дорога, больше похожая на разъезженную тропу, а ее окрестности. Еще позавчера мы шли вдоль бесконечных фруктовых и оливковых рощиц, временами около дороги были поля, засеянные какими-то зерновыми. Иногда у дороги или в отдалении на холмах были видны скопления домиков. А теперь вокруг нет ничего, кроме сухой земли, из которой торчат пучки запыленной травы. И это еще хорошо. Временами вокруг только песок. И так километр за километром. Наученный горьким опытом, я периодически слезал со своего коня и шел минут двадцать пешком. Грузные верблюды идут не спеша, к обеду мы отшагали километров двенадцать. Остановились около невысокого холма. У подножия холма рощица, из которой вытекает ручеек.

Остановка необходима, чтобы напоить животных, вскипятить воду для бесконечного чая и перекусить. Я уже знаю, где у нас запасы продовольствия. Вскрываю один из тюков и достаю вяленое мясо, сухари и сверточек сахара. Сыр и лепешки кончились, но с чаем у нас почти нормальный обед. После еды Абу Сахат умудрился вздремнуть, но мне не спится. Пошел на вершину холма посмотреть, что там и что виднеется впереди. На вершине холма только развалины. Возможно, когда-то здесь была одинокая ферма, а совсем давно здесь могла быть вилла римлянина или византийца. Впрочем, мечтать можно о чем угодно, но реально здесь пара разрушенных домиков, поваленная и разбитая колонна и редкие кусты, выросшие рядом с развалинами.

Спустился вниз, и вовремя. Караван собирался выходить дальше. Абу Сахат, уже подготовивший к выходу нашего верблюда, сердито сказал, что нечего мне бродить по развалинам. Там нет ничего интересного. Возможно, он по-своему прав. Он видел тысячи таких заброшенных строений. Но для меня все в новинку. Неожиданно он сказал мне немного задержаться, набрать в роще хвороста. Потом верхом я могу быстро догнать караван. Не очень понял, зачем нам хворост, но не стал возражать. Караван ушел, а я еще минут двадцать искал в роще хворост, которого там почти не оказалось. Караван догнал быстро, и мы подвязали небольшую связку хвороста к тюку на верблюде. И опять несколько часов движения. Заночевали в караван-сараях очередной деревни. Деревня обширная, много домов, мечеть солидная. Чувствуется, что деревня процветает.

Мне удалось купить в лавке заднюю часть барана, а в других лавках несколько больших плоских лепешек и много зелени. На сегодня и завтра мы едой обеспечены. Абу Сахат разжег уже костер, вскипятить чай. Он собирался пойти со мной поужинать в харчевню, расположенную недалеко от караван-сарая, но увидел у меня в руках баранину и решил никуда не ходить. Мы поджарили на углях разрезанную на четыре части заднюю часть барана, от души наелись жареной баранины, зелени и лепешек. Напились чая и спокойно легли спать. Утром опять ранний подъем, чай с лепешками, и вот мы снова едем по бескрайней, покрытой редкими кустиками чахлой травы степи, которая быстро сменилась песчаной пустыней. Вероятно, сказывается близость моря. Во время обеденного отдыха я понял, зачем учитель потребовал от меня собрать хворост. Вокруг не было ни единого деревца, только песок и песок. Мы съели остатки вчерашней жареной баранины с лепешками и зеленью, выпили по две чашки

чая и готовы были продолжать путь с караваном. Остаток пути прошел без происшествий: не было ни песчаных бурь, ни налета бандитов. Возможно, я даже был немного разочарован таким мирным, спокойным путешествием. Мне казалось, что обязательно должно произойти что-то чрезвычайное. Но Абу Сахат объяснил, что в это время года песчаные бури бывают очень редко, а разбойников пустыни давно уничтожил грозный Салах ал-дин. К вечеру мы пришли в Дамиетту.

Дамиетта меня поразила. Мы подошли к городу и крепости с востока. Ее высокие стены были видны издалека. Никакого сравнения с устаревшей крепостью Газа. Мощные круглые башни соединены между собой стенами такой же высоты. Разбросанные вокруг крепости дома выглядят по сравнению с ней почти игрушечными. Издалека я не мог разобрать детали, но по мере приближения увидел бойницы в башнях, защитные парапеты с узкими промежутками для стрельбы на стенах. Это действительно крепость. Абу Сахат объяснил мне, что Дамиетта защищает Египет от нападения с востока и моря. Она стоит на восточном берегу самой важной протоки Нила. Здесь можно было бы по Нилу пройти к самому сердцу Египта. Но крепость полностью контролирует этот речной путь. На острове напротив крепости стоит высокая башня, от которой через Нил протянуты в обе стороны цепи, перекрывающие все русло. Если враг захочет пройти по Нилу, он должен сначала на кораблях с реки захватить эту башню, к которой нет пути по суше. В то же время восточнее Дамиетты на протяжении десятков километров нет места, удобного для высадки с кораблей. Если кто-то захочет осадить Дамиетту, он должен сначала высадиться на левом берегу Нила, захватить башню на острове и только потом пытаться начинать высадку с кораблей на высоком правом берегу Нила.

Наш караван не вошел в крепость и остановился в караван-сарае одного из селений около Дамиетты. На следующий день мы с Абу Сахатом пешком пошли в крепость. Внутри я понял, что это не просто крепость. Это большой, густонаселенный город. Абу Сахат сказал, что в нем живет не меньше семидесяти тысяч человек. Мы прошли мимо крытого рынка, мимо домов знати, мимо грандиозной мечети, увенчанной сферическим куполом. У дворца вали¹⁶ города нас остановил вооруженный охранник, которому Абу Сахат назвал свое имя. К моему удивлению, минут через десять нас пригласили к вали. Им оказался молодой энергичный мужчина — Абу Дауд Исхак бин Умар. Абу Сахат сказал мне, что вали друг наследника престола

благородного ал-малика ал-Камила Мухаммада бин Абу Бакра¹⁷. Я, конечно, не обратил внимания на цветистое полное имя наследника престола, но значительно позднее мне приходилось с ним встречаться, тогда и запомнил его титулы. Остановился в отдалении, чтобы не мешать беседе. В помещении никого не было, никто не мог слушать их разговор, который к тому же велся почти шепотом.

К моему удивлению, после завершения их беседы я был представлен Абу Дауду. Он внимательно посмотрел на меня и что-то коротко сказал Абу Сахату. На этом аудиенция завершилась. Но когда мы вышли из дворца, Абу Сахат сказал мне:

— Ты заинтересовал Абу Дауда. Он забирает меня и тебя в поездку в Каир. Выезжаем завтра.

Ничего не могу понять. Почему столь высокая особа заинтересовалась мной? Может быть, учителю просто не на кого оставить меня здесь? И почему такая спешка с отъездом? Ехали не спешили, спокойно следовали с караваном. А теперь поедем в кортеже вельможи. Еще больше я удивился, когда вечером учитель развязал один из тюков, вытащил из него два свертка, положил в седельную сумку моего коня и спрятал ее под своей подушкой. Тюки мы сдали хозяину караван-сарая на хранение.

Следующим утром, когда мы собрались, выпили в спешке чай, взнуздали моего коня и прикрепили седельную сумку, к нам приехали двое мужчин. К моему удивлению, один из них был Абу Дауд. К удивлению — так как одет он был в совсем простую дорожную одежду. Второй мужчина придерживал за повод запасного коня. На этого коня сел Абу Сахат, и мы быстрой рысью поехали на юг вдоль Нила. От Дамьетты до Каира около ста пятидесяти километров. Первую непродолжительную остановку сделали в деревушке километров через двадцать пять. Напили коней, дали им немного отдохнуть. Абу Сахат спросил меня, не болят ли ноги. Но я уже привык к езде, и, хотя мы ехали значительно дольше, чем раньше, с ногами было все в порядке. Через полчаса двинулись дальше.

Еще через три часа мы остановились в другой, значительно большей деревне. Наш второй спутник пошел куда-то и вернулся в сопровождении другого мужчины, ведшего четырех коней. Трех коней мы оставили в этой деревне, но своего коня я не решился оставить незнакомым людям, в незнакомой деревне. Я уже привык к нему, да и он ко мне явно питал хорошие чувства. Поэтому пересел на другого коня, взяв с собой седло и седельную сумку, а своего коня пустил без седла. Он ни разу не

отстал от меня. Мы немного отдохнули в этой деревне, поели и выпили по паре чашек горячего чая. Я не думал, что поедем снова, так как день клонился к вечеру, но Абу Дауд скомандовал подъем, и мы двинулись дальше. Еще два раза останавливались ночью отдохнуть, напоить лошадей, размять ноги. И снова отправлялись в путь. Бешеная, непонятная мне гонка.

Утром в каком-то городишке (или большой деревне) мы еще раз сменили лошадей. Удивительно четкая организация поездки. Но Абу Сахат сказал мне, что нечего удивляться, если едет такой уважаемый человек, как Абу Дауд. Мы немного отдохнули, даже поспали с полчаса, но потом пришлось снова сесть на коней. Еще раз отдохнули в пути и до захода солнца приехали в Каир. Абу Дауд практически не сдержал ход коня: на окраине города мы почти скакали по улицам. Но ближе к центру он все же замедлил движение, и к его небольшому дворцу мы подъехали мелкой рысью. Слуги сразу схватили коней под уздцы, хотели взять коня и у меня, но я сначала снял свою седельную сумку, перебросил через плечо и пошел с ними в конюшню, проверить, где и как будет стоять мой собственный конь. В глубине души я уже не считал его конем Абу Сахата. Меня знаками заверили, что с конем все будет хорошо, что мне не нужно беспокоиться. Потом проводили в комнаты, отведенные моему учителю. Это были две комнаты и чуланчик с принадлежностями для умывания. В дальней комнате было ложе для Абу Сахата, в первой комнате на возвышении лежал ковер и были свернуты постельные принадлежности. После того как сопровождавший меня слуга вышел и за ним закрылась дверь, Абу Сахат впервые обругал меня:

— Ты почему ушел от меня? Кто тебе разрешил?

— Я пошел проверить, где и как поставят нашего коня.

— И забрал с собой седельную сумку?

— Но ведь наш конь дорогой. Вы сами говорили мне о его ценности.

— Твоя сумка в десятки раз дороже любого коня.

Он отобрал у меня сумку, вытащил оба свертка и бросил пустую сумку на пол.

— Больше без моего приказа не отходи от меня ни на шаг. Понял?

— Конечно, понял. Что здесь непонятного. Не отходить ни на шаг.

— И не передразнивай. Я пока твой хозяин.

— Да, учитель. Все понятно.

Мне показалось, что инцидент исчерпан, но Абу Сахат долго не мог успокоиться и не разговаривал со мной, как обычно. Я недоумевал, но помалкивал. Подумаешь, какие-то свертки. Не бриллианты же там.

Нас хорошо накормили. Честно говоря, впервые за все эти дни я наелся до отвала, причем очень хорошей пищи. Это не сухие лепешки жевать. Так бы каждый день. Мы легли рано — хотелось отоспаться за тяжелую дорогу — и спали очень крепко, по крайней мере я. Утром меня разбудил Абу Сахат, велел переодеться в новую одежду. Сам он тоже был одет в новенькую одежду с богатым золотым шитьем. Где он только это все взял? Наверное, принесли слуги Абу Дауда. Он передал мне в небольшой сумке один из свертков, приказав нигде не оставлять его. Я удивился его тяжести. Если там даже не бриллианты, а лишь золото, то это совсем неплохо. Длинный маленький сверток он засунул себе за пазуху.

Мы позавтракали, и нас повели к хозяину дворца. Абу Дауд еще раз посмотрел на меня и спросил что-то у моего учителя. Но тот успокаивающе ответил ему. Вероятно, сказал, что я надежный и не понимаю арабскую речь. Мы вышли на улицу и сели на выведенных нам коней. Слуги не спугали моего коня, чему я, конечно, обрадовался про себя. Не прошло и четверти часа, а мы уже стояли во дворе прекрасного дворца, передав коней слугам. Учитель сказал мне, что это один из дворцов наследника престола благородного ал-Камила Насира ал-дин Мухаммада.

Не знаю, как ал-Камил, но придворный, который нас встретил, мне совсем не понравился. Я не мог понять, в чем дело: очень уж он странно смотрел на меня. Да, больше на меня, чем на Абу Дауда или моего учителя. Но наконец он опомнился и начал длинную речь, из которой я ничего не понял, кроме упоминания имен и титулов моих спутников. Потом он повел нас по переходам и привел в небольшой зал, где мне велели остаться. Абу Дауд и Абу Сахат прошли за придворным в следующее помещение. Теперь были слышны только голоса: то учителя, то Абу-Дауда, то еще какой-то мужской голос. Придворный вышел ко мне в зал и сделал вид, что не слушает эти голоса. Правда, дверь за ним захлопнулась, и голоса стали не слышны.

Прошло не больше получаса. Из дверей вышел пятясь, спиной вперед Абу Сахат. Абу Дауд вышел еще через пять минут. Мне не показалось, что они в хорошем настроении. Хотя, может быть, они были просто серьезны и чем-то озабочены. Придворный опять начал что-то говорить, но они, ничего не отве-

тив, пошли к выходу. Я бросился за ними. Мы в молчании сели на коней и так же молча доехали до дворца Абу Дауда. О результатах поездки к наследнику престола я не стал спрашивать.

После обеда мы вышли с Абу Сахатом погулять по городу. Верхом мало что увидишь. Да и не в любое место можно попасть на коне. Он сразу же повел меня к Цитадели. И это было величественное зрелище. Цитадель была построена Салах ал-дином на склонах горы Мукаттам. Так объяснил мне учитель. Гору я не заметил. Вряд ли горой можно было назвать холм, на котором неправильным многоугольником, следуя контурам холма, построены высокие крепостные стены. Мы не обошли всю Цитадель, это около трех-четырёх километров. Но и то, что видели, внушало почтение. Большие круглые башни выступают из стен, так что защитники могут направить свой огонь на тех, кто захочет притаиться у самых стен. Сами стены десяти метров в высоту и толщиной три метра. Видно было, что Цитадель постоянно укрепляют. Рядом со стенами, вне их, строились гигантские квадратные башни. Судя по их размерам, они должны быть очень высокими. Действительно, когда я позднее, уже во время царствования ал-Камила приезжал в Каир, они достигали в высоту двадцать пять метров. Строились и какие-то новые стены. Но я больше смотрел вокруг, на толпы людей. Не думал, что около дворца султана будет так много народу. Ведь Цитадель вмещает не только оборонительные сооружения, дома для гарнизона, хозяйственные постройки, но и главный дворец султана. Правда, учитель объяснил мне, что ал-Адил никогда не любил этот дворец, предпочитая свой неприступный замок Карак¹⁸.

Абу Сахат показал в воротах какой-то документ, выданный Абу Даудом, и нас пустили в Цитадель, но дали сопровождающего. Мы прошли лабиринт проходов, маленьких площадей и вышли к главной достопримечательности — дворцу султана. Опять проверка в воротах, и мы выходим на гигантский внутренний двор, окруженный тридцатью двумя колоннами из розового гранита. Пол выложен красивой повторяющейся мозаикой, а в центре двора павильон «Купол ветра», сооруженный еще при Аббасидских султанах четыреста лет назад. Учитель начал рассказывать какие-то легенды, связанные с этим павильоном, но я пропускал их мимо ушей, покоренный этой красотой. Запомнил только, что всем этим правителям нравился ветерок, обдувающий их в этом павильоне даже в жару. Почему султан не хочет здесь жить? Позднее это стало понятно.

Мы еще погуляли в Цитадели и вернулись в город. Красота красотой, но есть тоже нужно. Абу Сахат быстро нашел харчевню, в которой нам предложили традиционную баранину, зелень, гранатовый сок и воду со льдом. Мы спокойно посидели, учитель рассказал мне еще много легенд про аль-Кахир — так по-арабски звучит название Каира. Прямо «Тысяча и одна ночь», только не в Багдаде, а в Каире. Потом мы снова гуляли по городу, и я вдоволь насмотрелся на бесчисленные лавки торговцев, на разносчиков мелочовки, холодной воды, сладостей. Зазывные крики торговцев, шум тележек, прыгающих по булыжным мостовым, цоканье копыт лошадей многочисленных всадников. От всего этого я даже немного ошалел и предложил Абу Сахату вернуться в дворец Абу Дауда. Он посмотрел на небо, заметил мне, что действительно поздно, и мы отправились в обратный путь. Не знаю, как он ориентировался в этой пуганице улочек, проулков, площадей.

По-южному быстро темнело. Мы уже почти подошли к дворцу Абу Дауда, как вдруг из проулка наперерез нам выскользнули две фигуры. И я и Абу Сахат были с саблями, поэтому я не испугался даже тогда, когда незнакомцы выхватили сабли и устремились к нам. Я преградил дорогу одному из них и легко отбил прямой удар. Но второй незнакомец обошел меня, сильным ударом сразу же выбил саблю из рук моего учителя, угрожающе что-то крикнул ему, но не стал его рубить. Мой противник попытался еще раз ударить меня, теперь по правому боку, но я легко отвернулся влево и рубанул его по открытой правой руке. Он выронил саблю и схватился левой рукой за правую. Мне некогда было возиться с ним, и я просто полоснул его саблей по шее. Все, с этим покончено. Даже не осознал, что это первый убитый мной человек. До этого я только лечил людей. И конечно, я не подозревал, что это только начало, что мне еще придется убивать, даже не зная за что и почему.

Но жизнь учителя в опасности. Второй незнакомец, вероятно, не ожидал, что я окажу сопротивление и тем более что запросто расправлюсь со своим противником. Он стоял и спокойно наблюдал. Но когда я ринулся к нему, он автоматически встал в позицию и отбил мой первый удар. Мы начали кружить, выжидая подходящий момент, когда один из нас раскроется. Я не видел учителя, но чувствовал, что он где-то рядом. Некогда было смотреть на него. Мой противник внезапно бросился в атаку, понимая, что если он не покончит со мной быстро, то из дворца Абу Дауда прибегут люди. Атака была несколько сум-

бурной и прямолинейной, но заставила меня отступить на несколько шагов. Финт справа, финт слева. Слишком однообразно. Когда я увидел, что он их просто чередует, понял, что он у меня в руках. При очередной атаке не стал вставать в позицию после отражения его удара, а просто ткнул саблей в грудь. Он успел немного сместиться, и мой удар пришелся в левое предплечье. Это его разозлило, боли, возможно, он даже не успел почувствовать. Хотел ударить меня сверху и раскрылся. Стандартный удар снизу с выносом сабли вверх для отражения его возможного удара. Но это уже не потребовалось. На нем не было никакого панциря, и мой удар распорол ему не только одежду, но и живот. Он свалился, пытаясь удержать выпадающие внутренности. Все кончено. Подскочил к нему, занеся над его головой саблю, но меня остановил окрик учителя:

— Мы должны узнать, кто его подослал.

Он сказал что-то поверженному, но тот только плюнул в его сторону, вернее, попытался плюнуть и захлебнулся кровью. Учитель подошел еще ближе, посмотрел на его рану и сказал мне:

— Помоги ему умереть. Пусть больше не мучается. Все равно он уже не сможет ничего сказать.

Пришлось помочь противнику. Потом Абу Сахат проверил пояса и пазуху убитых. У первого ничего существенного не было, но у второго он нашел мешочек с золотыми монетами. Во дворце уже что-то увидели, и к нам бежали взволнованные слуги. С первым не стали возиться, но второго Абу Сахат попросил внимательно рассмотреть. Один из слуг узнал его и начал что-то говорить моему учителю, но он сразу же остановил его. Мы пошли во дворец. Я спросил учителя:

— А что будет с телами этих?

— Слуги сбросят их в ближайший канал.

Мне не понять такое равнодушие. Да, когда идет борьба не на жизнь, а на смерть, вероятно, все дозволено. Но такое неуважение к телу... Непонятно.

Когда мы пришли в наши комнаты, учитель повернул меня к свету лампы, зажженной в наше отсутствие, и сказал:

— Нет, ты не ученик лекаря. Ты воин.

— Да нет, учитель. Какой я воин, просто меня немного поучили. А эти двое только умели махать саблями.

— Первый действительно слабый, но второй — испытанный боец, мамлюк. Его хозяин принц Фаиз¹⁹, сын султана. Его узнал один из слуг. И это очень печально.

— Почему?

ПРИМЕЧАНИЯ

ЧАСТЬ I

К главе 1

¹*«Ахзарит»*. Израильский тяжелый гусеничный транспортер. В первое время формировался на базе трофейных танков Т-54 и Т-55, захваченных у арабских стран.

²*Ричард*. Ричард I Львиное Сердце (1157 — 1199) — английский король из династии Плантагенетов. Сын короля Англии Генриха II и герцогини Алионоры Аквитанской.

³*Фергюс*. Фергюс, четвертый граф Бухана (ок. 1170 — ок. 1199).

⁴*Мормеры Бухана*. Один из старинных дворянских домов в Шотландии. Представители известны с начала XII в. Позднее титул граф Бухан был преобразован в граф Бьюкен.

⁵*Генрих, граф Шампанский*. Генрих II, граф Шампани, король Иерусалимский (1166 — 1197). Сын Генриха I Шампанского и Марии Французской (Капетинги). После брака с Изабеллой I Анжуйской (1192) король Иерусалимский. Дочь Алиса Шампанская (1195).

⁶*Тир*. Знаменитый финикийский город. Находится на юге современного Ливана, в нескольких километрах от Израиля.

⁷*Конрад Монферратский*. Второй сын маркграфа Монферратского Вильгельма V и его жены Юдифи Австрийской. Двоюродный брат императора Фридриха Барбароссы, Людовика VII Французского и Леопольда V Австрийского. Конрад одержал многочисленные победы как командующий армиями германского императора и византийского императора. Но прославился как защитник Тира, когда армия Иерусалимского королевства была разгромлена при Хаттине и все города сдавались Салах ал-дину. После смерти королевы Иерусалимской Сибиллы наследницей стала Изабелла. В 1190 г. Конрад женился на Изабелле. В 1192 г. голосами баронов Конрад был избран королем Иерусалимским. Но почти сразу был убит ассасинами. Имеются подозрения, что убийство было организовано Ричар-

дом Львиное Сердце. Именно за это по возвращении из Крестового похода Ричард был заключен в тюрьму двоюродным братом Конрада Леопольдом V Австрийским.

⁸*Саладин*. Ал-малик ал-Насир Салах ал-дунья ва ал-дин Абу-л-Музаффар Юсуф ибн Айюб. Обычно именуется — Салах ал-дин. Курд по происхождению, основатель династии Айюбидов, правившей Египтом, Палестиной, Сирией, Ираком, Хиджазом и Йеменом.

⁹*Амори*. Амори II де Лузиньян — сеньор Кипра с 1194 г., король Кипрского королевства с 1195 г., король Иерусалима с 1197 г. Сын Гуго VIII де Лузиньяна и Бургонь де Ранкон, старший брат Ги де Лузиньяна. В 1197 г. умерла жена Амори — Эшива Ибелин, — и он женился на Изабелле Иерусалимской, которая имела права на иерусалимский трон. Коронация произошла в Акре в 1198 г.

¹⁰*Ги (Гвидо) де Лузиньян*. Младший брат Амори де Лузиньяна. Сеньор Кипра с 1192 г., король Иерусалима в 1186 — 1192 гг. Права на престол появились после женитьбы в 1180 г. на Сибилле, сестре короля Иерусалимского Балдуина IV.

¹¹*Акра*. (Акко — *иврит*). Один из древнейших городов, заселенный около 4 тыс. лет. Расположен в Западной Галилее, севернее Хайфы. В 1104 г. завоеван крестоносцами, в 1187 г. после битвы при Хаттине сдался Саладину без боя. В 1191 г. вновь отвоеван крестоносцами во время Третьего крестового похода. Практически был столицей Иерусалимского королевства. В Акре были кварталы торговых городов: Пизы, Генуи, Венеции, а также рыцарских орденов: госпитальеров, тамплиеров, Тевтонского ордена.

¹²*Сафад*. Город на севере Израиля, в Верхней (Восточной) Галилее. Современное название Цфат. Один из священных городов евреев. Находится на высоте 900 м над уровнем моря.

¹³*Нагария*. Город на севере Израиля. Основан в тридцатые годы XX в. Имеется крупный медицинский центр.

¹⁴*Фустат*. Один из крупнейших городов раннего Средневековья, основан арабами в 641 г. после завоевания Египта. С 642 г. — столица Египта в VII — XI вв. Рядом с ним был построен Каир.

¹⁵*Муса бин Маймун*. Моше бен Маймон, называемый Моисей Маймонид (1135 — 1204). Арабы называли его Абу Имран Муса ибн Маймун ал-Кардуби ал-Яхуди. Выдающийся еврейский философ и богослов — талмудист, раввин, врач и разно-

сторонний ученый. Кодификатор законов Торы. Сокращенное имя Рамбам.

¹⁶*Антиохия*. Город на юге Турции. В древности одна из столиц государства Селевкидов. С 1098 по 1268 г. столица Антиохийского княжества крестоносцев.

¹⁷*Фес*. Город в Марокко. При Альмохадах в конце XII в. один из крупнейших городов исламского мира. В некоторые периоды важнейший центр еврейского мира.

¹⁸*Дирхем*. Арабская серебряная монета, первоначально была весом 3,9 гр. В описываемое время дирхем Айюбидов был примерно 2,5 — 2,7 гр.

К главе 2

¹*Мамлюки*. В исламском мире воины, рекрутировавшиеся из юношей-рабов.

²*Калам*. Остро отточенная тростинка для письма чернилами по бумаге.

³*Мансури*. Мамлюки принимали дополнительную часть имени по владельцу, обычно именитому. В данном случае по имени хозяина — ал-Мансур Ширкух ибн Шади.

⁴*Гулям*. Этим термином обозначали воинов, находящихся на службе правителей в мусульманских странах и непосредственно им подчиненных. Являлись «слугами двора», но не были рабами.

⁵*Ширкух ибн Шади*. Ал-малик ал-Мансур Асад ал-дин Абу-л-Харис Ширкух ибн Шади ибн Марван.

⁶*Ал-Афдал ибн Юсуф*. Ал-малик ал-Афдал нур ал-дин Али ибн Юсуф.

⁷*Хиджра*. Переселение мусульманской общины под руководством пророка Мухаммада из Мекки в Медину. Обычно принимается, что это было в 622 г. Летосчисление в мусульманских странах ведется от этой даты.

⁸*Аскалон*. Древний, более 4 тыс. лет, город на побережье Средиземного моря, южнее Тель-Авива. Стратегический порт.

⁹*Филистимляне*. Древний народ, населявший приморскую равнину между Яффой и Газой, начиная с XII в. до н. э. Вероятно, пришли с острова Крит, владевшего в то время многими территориями Средиземноморья.

¹⁰*Тамплиеры* (*фр.* temple храм) — храмовники, или Бедные рыцари Христа и храма Соломона — члены католического ду-

ховно-рыцарского ордена, основанного в Палестине в 1119 г. Первичная цель — защита паломников, идущих в Святую землю. Позднее обладал землями, замками, большими богатствами на Святой земле и в Европе. Орден упразднен в 1312 г.

¹¹*Хаттин*. Битва при Хаттине (недалеко от Тивериадского озера) — сражение в июле 1187 г. между Иерусалимским королевством крестоносцев и мусульманской армией Салах ал-Дина. Измученные жаждой крестоносцы были наголову разгромлены, потеряли несколько тысяч рыцарей и простых солдат убитыми и пленными.

¹²*Донжон*. Главная башня в замках европейских феодалов. Расположена внутри крепостных стен. Последний оплот осажденных.

¹³*Динар*. Золотая высокопробная монета арабских стран. Стандартный вес, долго выдерживавшийся, 4,24 гр.

¹⁴*Дамietta*. Город и крепость на берегу Нила. В 1169, 1219, 1249 гг. был осажден крестоносцами. Два раза был взят ими, но каждый раз крестоносцы были разбиты Айюбидами.

¹⁵*Раис*. Начальник, деревенский староста.

¹⁶*Вали*. Должность в администрации исламских стран, соответствующая должности наместника провинции или другой административной единицы, на которые делится страна.

¹⁷*Ал-Камил Мухаммад бин Абу Бакр*. Айюбидский султан ал-малик ал-Камил Насир ал-дин Абу ал-Ма'али Мухаммад I бин ал-Адил I. Султан Египта (1218 — 1237).

¹⁸*Замок Карак*. Карак — крепость, во время Крестовых походов был частью Иерусалимского королевства. Расположена южнее Аммана. Стоит на Королевской дороге из Египта в Сирию. Любимая крепость Айюбидского султана ал-Адила. В 1228 — 1249 гг. принадлежала Айюбиду ал-Насиру Дауду бин ал-Муаззаму Исе.

¹⁹*Ал-Фаиз*. Ал-малик ал-Фаиз Ибрахим бин Абу Бакр бин Айюб. Один из младших сыновей султана ал-Адила.

²⁰*Фельс*. Медная арабская монета.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
-------------------------	---

Часть I. ЛЕВАНТ

<i>Глава 1. Раб</i>	8
<i>Глава 2. Ученик лекаря</i>	24
<i>Глава 3. Охранник</i>	39
<i>Глава 4. Солдат</i>	57
<i>Глава 5. Командир</i>	72
<i>Глава 6. Эмир</i>	90
<i>Глава 7. Дипломат</i>	115
<i>Глава 8. Посол</i>	132
<i>Глава 9. Посол (продолжение)</i>	152

Часть II. У ФРИДРИХА II

<i>Глава 1. Кипр</i>	168
<i>Глава 2. Палермо</i>	190
<i>Глава 3. Сарацины</i>	206
<i>Глава 4. Италия</i>	226
<i>Глава 5. Испания</i>	243
<i>Глава 6. Жак и проблемы Молизе</i>	268
<i>Глава 7. Кастелло Венти</i>	282
<i>Глава 8. Умбрия</i>	300
<i>Глава 9. В Крестовый поход</i>	326
<i>Примечания</i>	346